***

Зашторены окна,
и небо погасло.
Любовь волоока,
дыханье опасно.

Ликующий ключик,
где наша свобода?
Несчастью научит
дурная погода.

Квартира, в которой,
но кто мы и где мы?
Рекламы за шторой
кричащи и немы.

***

Хоть небеса отменены
и человек остался без защиты,
сквозные бездны не видны,
как будто звёзды перебиты.

Под фонарями на лету
снежинки вспыхивают — это
летящие сквозь темноту
осколки света.

А пустота глаза слепит,
и пустотой их не наполнить.
А человек, забывший стыд,
себя никак не может вспомнить.

***

О темноту хоть зрение сточи,
и солнце выбилось из сил, но всё же
пронзали почерневший куст лучи,
и был неопалимым он, похоже.

Через меня лучи тянулись так,
что я почти не чувствовал страданий.
Напрасно ожиданье эпифаний,
и лишь темней зеленоватый мрак.

***

Как хорошо и тяжело,
что есть вопросы без ответов.
Смотрю на вечер сквозь стекло,
он слишком свеж и фиолетов.

В ответ он смотрит на меня.
Невинность так глядит на опыт.
Не жаль себя, но жаль огня,
когда снежок блестит сквозь копоть.

***

На улице Сибирской
лиловое окно,
и пьётся не без риска
неровное вино.

В карманах пряча скромность
и боженьке грозя,
нельзя опять не вспомнить,
что дальше жить нельзя.

Окутывая мраком
прозрачным, словно боль,
под зорким зодиаком
к дыханью приневоль.

***

Где же спрятать живую беду?
Прорывает закрытое веко.
Онемей, застывая во льду
с анемичною четвертью века.

Но играют прозрачным песком
8-летние братья-ребята
в этом мире большом, голубом,
где виновное небо горбато.

Нарастает и крепнет вода,
холоднее лучистое жало.
Не сестра, ну а кто же тогда?
Оказалась ты — песней усталой.

***

Четыре слепеньких крыла
в непонимающих узорах
по скользкой плоскости стекла
кидались. Взял я этот шорох

и вышел. Ветерок в кустах
шипел, напоминая соду.
Я бабочку держал в руках:
я ей хотел вернуть свободу.

Я воздух августа вдохнул,
наполнил лёгкие прохладой,
а ум, как бабочка, вспорхнул,
и стало ничего не надо,

и стало утро молодым,
крупнее перлы на пырее,
и я стоял, и был пустым,
и становился всё пустее,

и бабочка пересекла
не вспомнить что, меня задела,
и мысль последняя была:
«Скажи, чего ты хочешь, тело?»

Застыло на краю крыльца,
едва ли мне оно ответит.
На пальцах липкая пыльца,
и цинковое солнце светит.

***

А небеса такие в небесах,
что нечего сказать. Но скажешь: «Ах!»